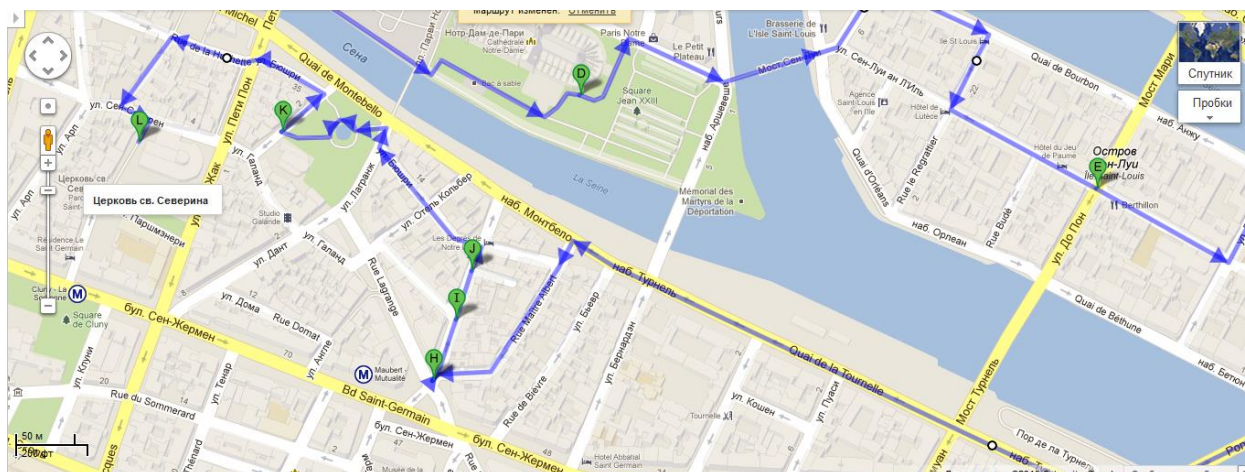

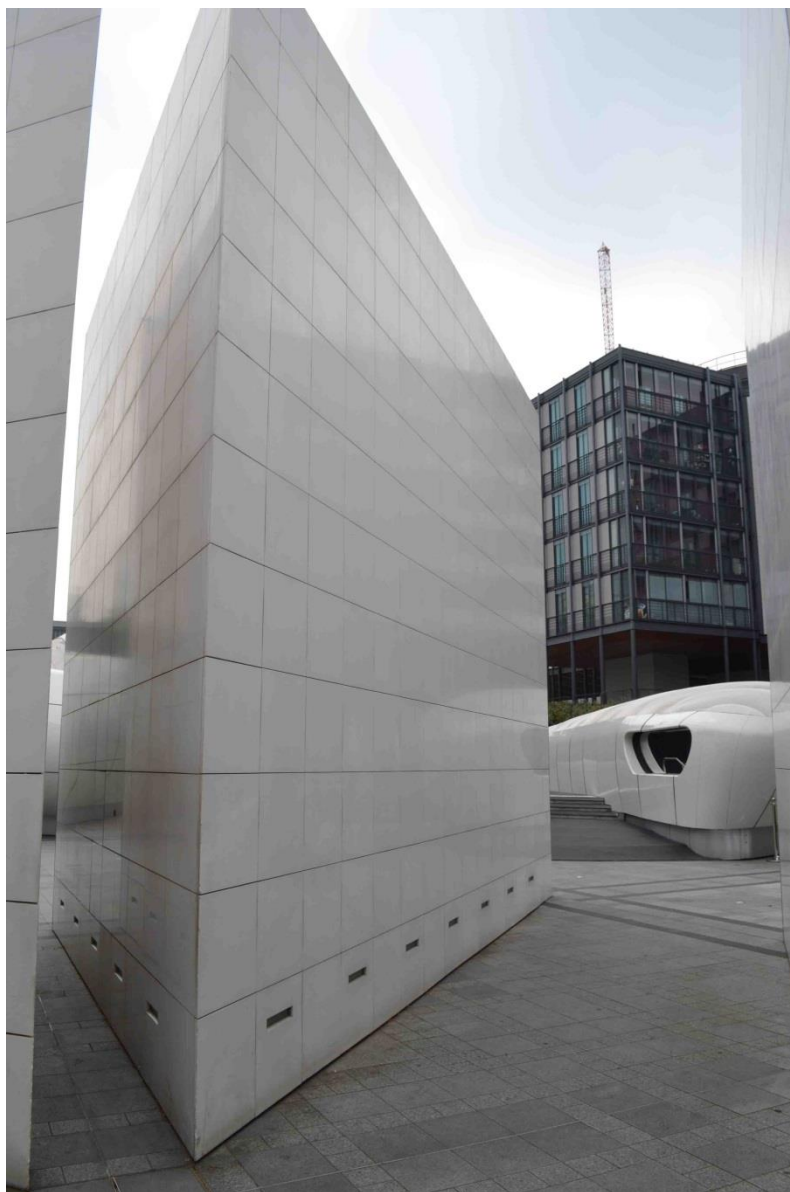
Париж. День первый, ч. 4: Латинский квартал

Первое, что мы увидели, сойдя с моста Сюлли, - очень странное сооружение – Институт арабского мира. Из путеводителей я знала, что этот шедевр современной архитектуры характеризуется особыми диафрагмами на окнах, реагирующими на свет и образующими в зависимости от освещенности различные арабские орнаменты. Наверно, нам не повезло: день был пасмурный, и никаких орнаментов вообще мы не наблюдали – так, серенькая сеточка на хайтековском параллелепипеде.

И весьма странные конструкции во дворе, смысла которых никто из нас не понял.

А вот Нотр-Дам, даром что стилевой урод, но хорош в любую погоду!

И вот мы на бульваре Сен-Жермен – в его восточной части. Бульвар проложен бароном Османном, а значит, дома на нем – XIX в. Но – это в полном смысле французские дома! Мы гуляем по Парижу!

И тут детки окончательно проголодались. Я вообще-то надеялась, чтобы не тратить время, обойтись багетом, купленным на улице Муфтар и съеденным в Люксембургском саду, а основную трапезу совершить после посещения Лувра в подземных забегаловках, работающих всю ночь, но на всякий случай припасла вариант рекомендованных путеводителем уютных ресторанчиков на углу набережной Монтебелло и улицы Мэтр Альбер, по которой лежал наш маршрут. Все это было в двух шагах от бульвара, и я пыталась уговорить деток немного потерпеть – не помогло. Обед был потребован здесь и сейчас.

Ресторанов на бульваре было много, но каждый чем-то нас не устраивал: одни были переполнены, другие слишком дороги, в третьих не было подходящей еды, а в одном нам откровенно нахамили. Наконец вот в этом элегантном доме нашли уютный почти пустой ресторанчик с вполне приемлемыми ценами:

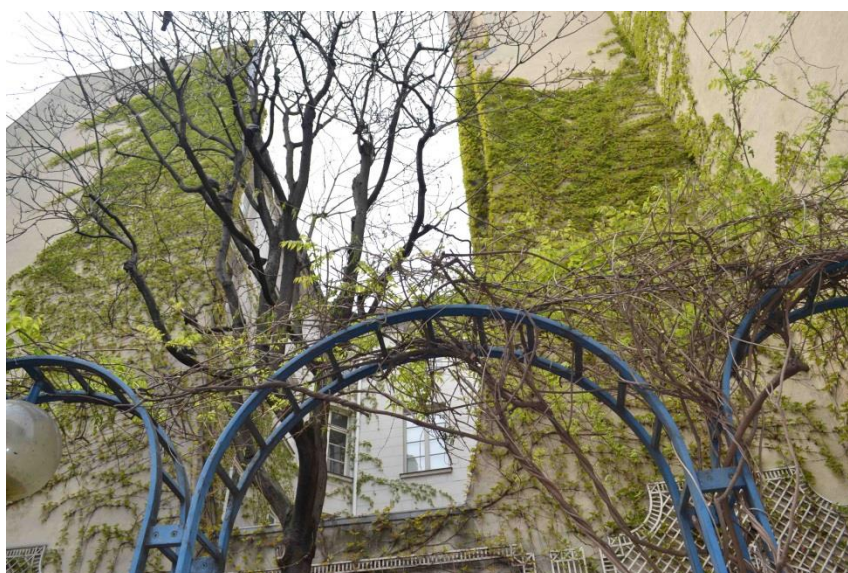

Тут мы впервые столкнулись с языковой проблемой: меню на английском языке почти нигде не было, а понять что-либо из него, написанного по-французски, было совершенно невозможно. Так что и

сейчас, и потом, заказывая блюда, мы рисковали напороться на что-либо совершенно непригодное, вроде того несчастного случая в Италии, когда я решила выпендриться и заказала карпаччо. И напоролись-таки в конце дня. Но в этот раз все обошлось благополучно: съели что-то экзотическое, что, однако, не оставило особого впечатления, но было сытно. И пошли, как и планировалось, на набережные Турнель и Монтебелло, чтобы, свернув с последней на улицу Мэтр Альбер, пройти по ней в центр старинного, таинственного и романтического Латинского квартала.

Наш путь лежал к площади Мобер. Собственно, мы могли выйти на нее прямо по бульвару, но тогда мы не увидели бы старинные кварталы, лежащие между ним и Сеной.

Едва свернув, мы оказались в интимном, непарадном Париже:

И тут же вышли на набережную к знаменитым парижским книжно-картиночным развалам:

Рыться в них, к сожалению, было некогда (и не на что), поэтому быстренько повернулись к ним спиной и... застыли: я перед этой витриной:

А Юрка с Женькой – перед этой:

Потрясающий магазин – если бы я увидел его в детстве, то, наверное, никогда бы от него не ушел – магазин солдатиков. У нас их продавали в отделах игрушек «Детских миров» на Горького и на площади Дзержинского, и что выбор, что качество... А тут целый специальный магазин! И какие солдатики - точность мундиров и вооружения, и какое разнообразие!

Когда я еле-еле оттащила мальчиков от солдатиков, они оглянулись вокруг, увидели вот этот дом с фресками:

и уютные рестораники с террасами, на которых сидели люди – уже выглянуло солнце и потеплело – и сделали мне выговор: почему не удержала их от обеда на бульваре, здесь было бы лучше!

После занявшего некоторое время выяснения отношений мне все-таки удалось увлечь их на кривую улицу Мэтр Альбер:

Она, хоть и содержит отель (в смысле – гостиницу), явно принадлежит к категории непарадных, обычных улиц для жителей. Застроена старинными (не древними – таковых в Париже вообще нет) домами и, кажется, не представляет особого интереса.

Но это – если не знать. А знать следует вот что.

Справка. В XII в. эта и следующие улицы, по которым мы шли к скверу Вивиани, уже существовали и образовывали густую сеть, не тронутую османновской перепланировкой. Тесно скученные дома и темные задние дворы вокруг площади Мобер (Place Maubert) были в Средние века идеальным местом для воровских шайк. Улица Мэтр Альбер славилась особой криминогенностью: «Достаточно было одного наблюдателя на крыше, сразу поднимавшего тревогу при появлении полиции, чтобы вся шайка могла исчезнуть среди нагромождения домов. В крайнем случае они укрывались в бесконечных подвалах на улице Мэтр Альбер (Rue du Maître Albert), которые по сей день связаны друг с другом настоящим лабиринтом подземных переходов». И опять-таки ничего необычного в этом не было бы, если не учитывать, что эти шайки составляли по ночам... студенты Сорбонны! Которых никто не субсидировал! Днем они слушали лекции, а ночью – добывали средства на пропитание. К тому же надо было где-то жить: в большинстве они спали на улицах этого района и района Сорбонны, но зимой и в Париже холодно, а согреться не удавалось даже на лекциях, которые проходили на открытом воздухе – на площади Мобер, куда привела нас улица.

Ныне она, как видите, имеет вполне respectable вид, а в XII в. здесь, в окружении средневековых домишек, собирались студенты для слушания лекций, «...что имело большое значение не только для развития Парижа, но и для всей истории европейской мысли. Ведь именно здесь примерно 900 лет назад проводились лекции знаменитейших ученых-богословов того времени - прежде всего, Пьера Абеляра (1079-1142), лекции которого посещало до 5000 слушателей, Альберта Великого, /его именем названа улица Мэтр Альбер – Т./, его ученика Фомы Аквинского, учителя Данте флорентинца Брунетто Латини. В те времена ученые, разумеется, говорили по-латыни, отсюда и пошло привычное нам название - Латинский квартал (Quartier Latin)». Название площади произошло от произнесенного скороговоркой словосочетания Мэтр Альбер.

Альберт Великий (1200 – 1280) - философ, теолог, учёный. Видный представитель средневековой схоластики, доминиканец, признан

Католической Церковью Учителем Церкви, наставник Фомы Аквинского (Википедия).

Для нас, биологов, важно другое:

«Энциклопедические знания Альберта позволили ему оставить богатое наследие в таких областях науки, как логика, ботаника, география, астрономия, минералогия, зоология, психология и френология. Он много занимался химией и алхимией, кроме всего прочего, впервые выделил в чистом виде мышьяк.

Альберт Великий ввёл в

обиход европейской науки очень большой объём знаний, недоступный для неё ранее, почерпнутый в сочинениях древнегреческих философов и арабских учёных. Он проводил и собственные исследования природных явлений (затмения, кометы, вулканы, горячие источники), а также флоры и фауны. Альбертом была проведена гигантская систематизаторская работа. ... Среди главных работ — *De animalibus* (О животных), *De vegetalibus et plantis* (О плодах и растениях), *De mineralibus* (О минералах), *De caelo et mundo* (О небе и мире) и др.».».

Вот, оказывается, как! Нас-то учили, что первая систематика животных и растений принадлежит Карлу Линнею...

Пытаюсь представить на месте нынешних шикарных зданий убогие домики, в окружении которых на тощей соломе сидели оборванцы-студенты, внимая мэтру... Получается плохо.

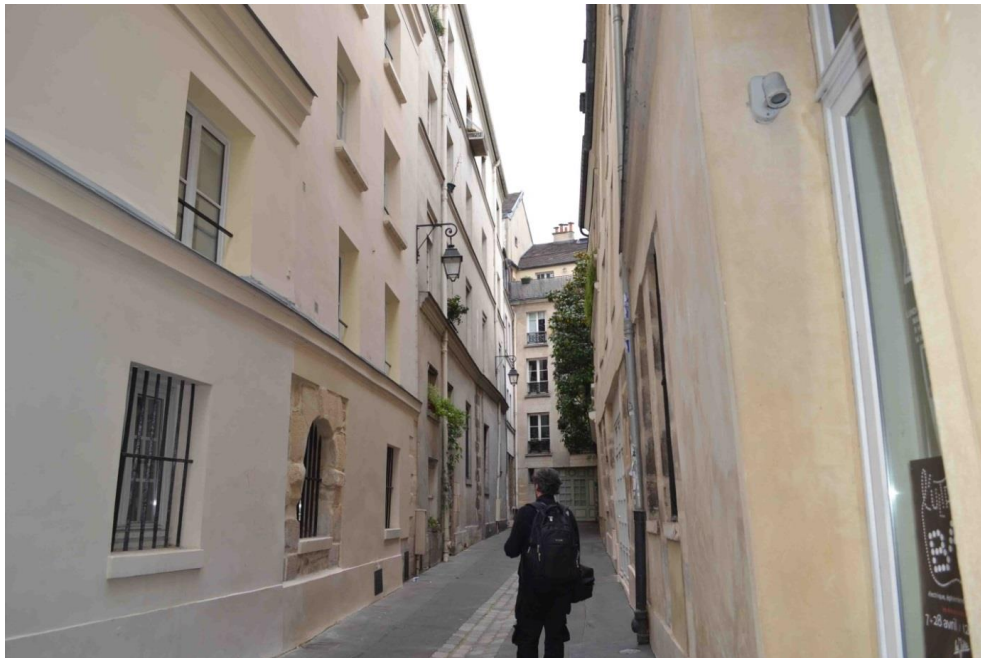
Между тем Женькино внимание привлекла таинственная особа, из-за которой мы провели здесь немало времени:

Ее тайну мы до сих пор не разгадали, может, кто из читателей подскажет? Ясно, что она – не серая ворона, не ворон, не грач и не галка. В

то же время черная ворона – вид, эндемичный для Дальнего Востока. Так кто же это?

Наконец двинулись дальше по улице Фредерик Сотон, откуда открывается вид на тупик Мобер:

Справка. «Епископы и князья учреждали для студентов из своих земель коллежи, где магистры и ученики жили и работали под одной крышей. От самых первых зданий еще сохранились камни, но большая часть этих зданий в конце тупика Мобер (Impasse Maubert) построена заново».

Старинная улица Бюшри, полная книжных лавок,

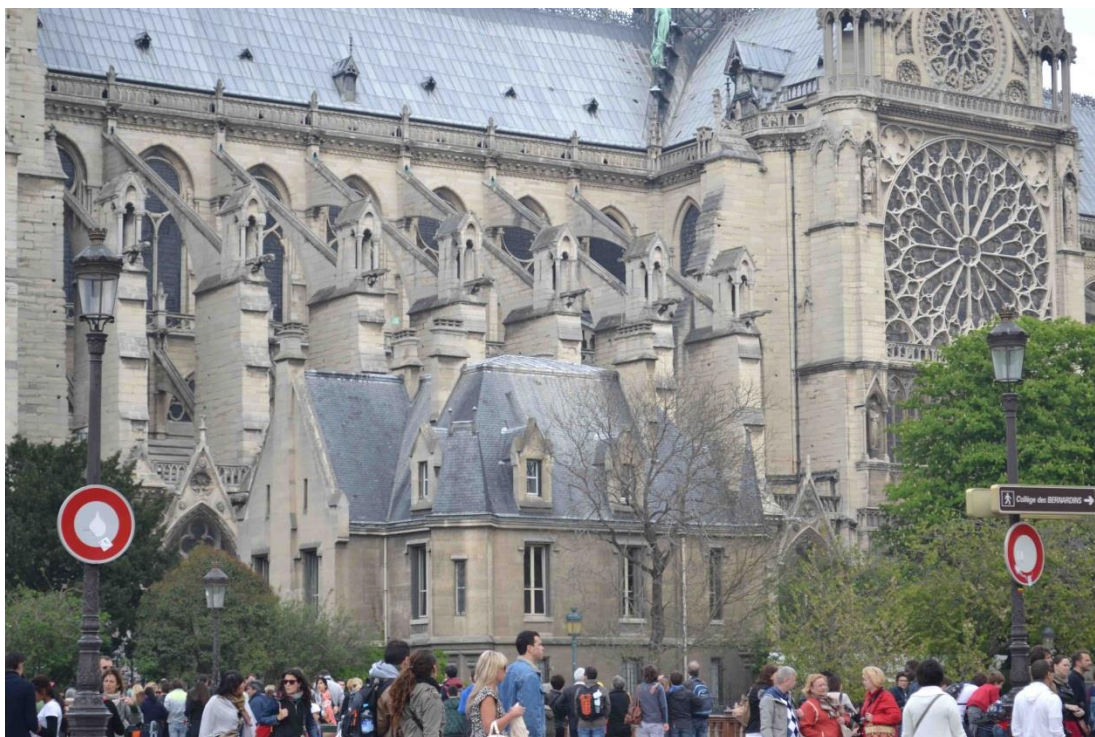

привела нас к скверу Вивиани, выходящему на набережную Сены и открывающему потрясающий вид на Нотр-Дам:

Кажется, что вот этот церковный дом, почти прилепившийся к его южному фасаду, выстроен одновременно с ним – так полно они гармонируют друг с другом:

Сам сквер – уютное место, рекомендованное путеводителем из-за самого древнего парижского дерева — робинии, или ложной акации (*Robinia pseudoacacia*), посаженного в 1601 году ботаником Робеном. От него, правда, сохранились лишь жалкие побеги на закованном в металл мощном пне.

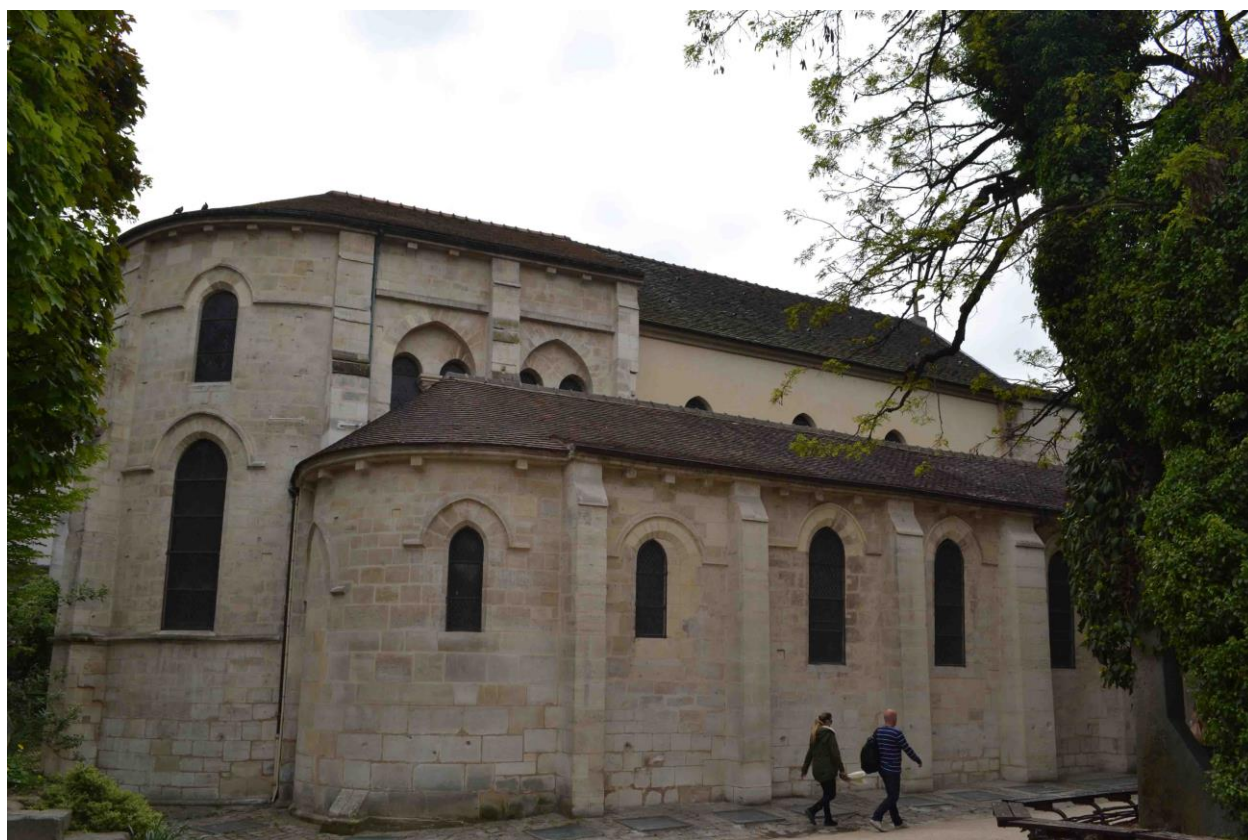
Для меня интересно другое: эту территорию занимало некогда аббатство при одной из самых древних церквей Парижа (ее стена видна на дальнем плане последнего снимка), как раз здесь находилась богадельня-больница. Аббатство с богадельней было разрушено во время Великой Французской революции, а церковь уцелела – ее, как водится, приспособили под склад. Так что не мы первые изобрели понятие «храм Спаса на картошке». Но прежде чем мы пошли осматривать церковь, полюбовались еще вот на это чудо:

Это витютень – один из видов диких голубей, во множестве встречающийся в Париже в компании с обычными сизарями!

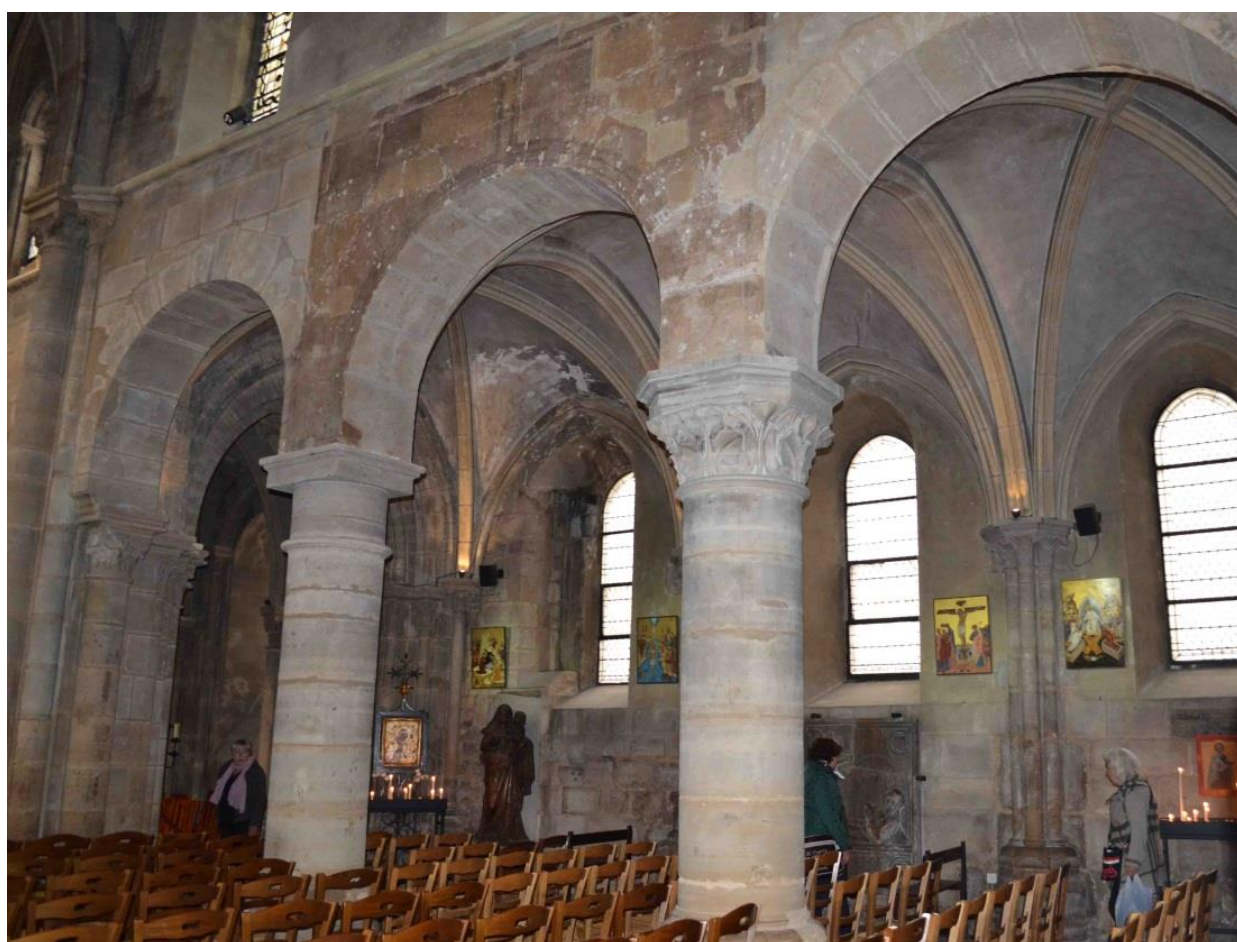
Справка. Нынешнее здание Сен-Жюльен-ле-Повр построено в XII-XIII веках и сохраняет романские и готические черты. Но построено не на пустом месте: когда именно была возведена первая церковь, точно не известно, но при Меровингах она уже существовала, т.к. что в ней в 580 г. (!) служил

мессу Григорий Турский. С самого начала это была церковь при больнице для паломников на пути в Сантьяго-де-Компостелла, ибо другой стороной она выходит на улицу Сен-Жак, затем здесь было основано аббатство св. Юлиана Госпитальера или Юлиана Бедного (отсюда – название). В XIII в. аббатство круто меняет профиль - становится центром университетской жизни, местом не только религиозных отправлений, но и университетских собраний, для которых, напомню, в тот период не существовало никаких специальных зданий. Вот церковь и проявила акт милосердия – предоставила кров Гийому де Шампо, Абеляру, Альберту Великому, Фоме Аквинскому, Данте, Вийону, Рабле и пр. Это продолжалось до 1524 г., когда мятежные студенты, недовольные результатами выборов ректората, устроили в церкви погром. После этого университетские собрания в аббатстве были отменены. В 1563 г. здание было восстановлено (тогда же получило свой ренессансный фасад) и вновь стало скромной церковью при богадельне и больнице.

Удивительная вещь: в XII в. крупные соборы (Сен-Дени, Нотр-Дам-де-Пари и де-Шартр) уже строились с применением готических принципов, а в XIII в. готика окончательно оформилась как отдельный стиль, однако

маленькая церковь, построенная одновременно с Нотр-Дам, что бы ни говорили путеводители, начисто лишена готических признаков, хоть снаружи, хоть изнутри. В Париже, по-моему, это единственный пример чисто романской базилики – трехнефной, с крестовыми сводами и полуциркульными арками, разделяющими нефы и опирающимися на типичные колонны. А заодно и единственная сохранившаяся приходская церковь XII в.

Как и во всех последующих церквях на нашем пути и в отличие от Нотр-Дам, здесь было тихо и почти пусто – идеальные условия для неспешного осмотра. Вот еще капитель в мою коллекцию – неожиданное сочетание натуральной античной листвы с головами гарпий:

С 1889 г. церковь была передана Мелькитскому патриархату Восточнокатолических церквей – отсюда, по-видимому, иконостас в византийском духе и вот эта странная икона:

Вокруг церкви сохранилось несколько домов XVI в. Все они деревянные, фахверковые, но оштукатуренные согласно декрету Казначейства Франции от 1667 г. – во избежание пожаров:

Как смешно и трогательно они лепятся к стенам современных гигантов! Но самое удивительное – то, что до сих пор это жилые дома!

Два дома на последней фотографии начинают улицу Галанд, на которой, как и в тупике Мобер, размещалось несколько колледжей, где студенты жили по признаку землячества. А рядом, на углу ул. Лагранж, был с 1472 г. первый медицинский факультет.

Сделав два шага от церкви, мы оказались на улице Сен-Жак... но это уже другой район! Продолжение следует...